

Питер Мак-Ларен. Жизнь в школах: введение в критическую педагогику

Предисловие к русскому изданию книги

Выход в свет русского издания книги «Жизнь в школах» — событие, которое для меня лично чрезвычайно значимо. Оно открывает возможность моим российским коллегам ознакомиться с теми идеями, который я развивал в рамках критической педагогики. Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою глубокую признательность всем тем, кто лично способствовал реализации этого проекта.

Первый вариант книги был написан мной в то время, когда я еще жил в Канаде. После переезда в США я продолжал работать над книгой и многое в ней изменил. Для российских читателей, особенно тех, кто вырос в эпоху «холодной войны», мои политические взгляды могут показаться неожиданными. Но факт остается фактом: критическая педагогика в значительной степени является проявлением борьбы против капиталистической эксплуатации, продуктом поиска социалистической альтернативы классовому обществу. Это вовсе не означает, что ее представители в странах Северной Америки обязательно рассматривали советское общество как образец, которому должен подражать весь мир. Тем не менее, многие из нас по праву считают себя духовными наследниками Октябрьской революции. Мы вели и продолжаем вести эту борьбу в самом логове капитала, что никак не ослабляет ее накала, особенно в последние годы.

Я впервые заинтересовался вопросами власти, политики и общественной практики в 1975 г., когда я только начинал свою педагогическую карьеру. В 1980 г. я опубликовал книгу под названием «Крики в коридоре: новые гетто предместий». Это были записки рядового школьного учителя. Книга неожиданно для меня и моих коллег получила широкий общественный резонанс и вызвала широкие дебаты по проблемам образования и школьной жизни вообще. Вскоре, правда, я понял, что книга далеко не отвечала тем целям, которые я внутренне для себя ставил, готовя ее к публикации. В ней содержался скорее журналистский очерк, чем глубокий критический анализ реального положения дел в школе. Ставились действительно важные проблемы, например, проблема насилия в школе и вне ее стен, но не вскрывались их подлинные причины. В частности, создавалось представление, что сами учащиеся и их семьи — главные виновники сложившегося положения вещей. (Эта моя первая книга в переработанном виде вошла в качестве первого раздела в ту книгу, которую читатель сейчас держит перед собой.)

Перебравшись в 1985 г. вместе с семьей жить в США, я существенным образом переработал свою первую книгу, включив ее в более основательный труд под названием

«Жизнь в школах», который к настоящему времени уже выдержал четыре издания. От издания к изданию я старался делать книгу более фундированной теоретически и более острой политически. Большой удачей я считаю то, что мне удалось найти издателей, исповедующих прогрессивные политические взгляды и не испугавшихся того, что книга написана с явно марксистских позиций. Книга вызвала живой интерес в педагогических кругах, и это лишний раз говорит о ее актуальности для современной Америки и других англоязычных стран.

Когда в конце 1970-х гг. я принялся за докторскую диссертацию, у меня за плечами уже был большой практический опыт работы со сложными контингентами учащихся — в частности, с детьми новых иммигрантов, которые концентрировались в некоторых крупных городах Канады. Для меня уже вполне очевидными были все те острые социальные проблемы и многочисленные педагогические дилеммы, которые отсюда проистекали. Но теперь я подходил к их анализу на основе изучения обширной литературы по философии, антропологии, социологии, культурологии. Я знакомился с трудами Маркса, Энгельса и Ленина, современных марксистов и неомарксистов (например, представителей франкфуртской школы), с идеями П. Фрейре и его последователей, а также представителей современной либеральной теологии. Во мне крепло убеждение в том, что школьные учителя и вузовские преподаватели могут почерпнуть в этих книгах много полезного, если они хотят быть активными агентами социальных изменений, как того по существу требует сама их профессиональная деятельность. В частности, чтобы успешно выполнять свои функции, они должны представлять себе, как опыт учащихся преломляется через призму их знаний, представлений, взглядов, установок. Учителя должны быть в состоянии критически анализировать также собственные взгляды и установки, которые они приносят с собой в свою профессию. Мне стало ясно, что понимание и рефлексия — это диалектически разворачивающиеся процессы, что деятельность учителя — это деятельность идеологическая по самой своей сути. Мои собственные политические взгляды формировались в бурные 1960-е гг. Теперь же я вполне сознательно примкнул к тем представителям учительской профессии, которые считали, что создание критической педагогики способно радикальным образом преобразовать весь современный социально-политический климат.

В результате я стал меньше заниматься собственно дидактическими проблемами, а обратился прежде всего к изучению таких проблем как политическая, культурная и расовая идентификация, поликультурная и антидискриминационная педагогическая практика, формирование сознания в различных социокультурных и геополитических

условиях, опыт Латинской Америки в деле политического освобождения. Другими словами, меня привлекли глобальные проблемы критической педагогики. Подобная теория вовсе не предписывает конкретные педагогические технологии, зато помогает настоящему глубоко понять сущность и механизмы эксплуатации в условиях капиталистического общества.

Итак, вместо того, чтобы рассуждать о методологии преподавания в классе и о педагогическом мастерстве, я обратился к вопросам критического анализа того политического поля, в котором действует учитель, и базовых принципов новой идеологии образования, которые мы находим в современной прогрессивной педагогической литературе. На этой почве у меня возникли трения с руководством факультета в канадском университете, где я год проработал в качестве профессора. Декан отказался продлить мой контракт. Но тут как раз я получил предложение от моих американских единомышленников организовать центр культурных исследований в одном из университетов США. Я оставил мою родную Канаду и перебрался в Соединенные Штаты. Вскоре прошло приглашение от Паулу Фрейре, который узнал о моей работе, приехать на Кубу для участия в конференции. Там я познакомился с некоторыми бразильскими и мексиканскими коллегами, также участвовавшими в работе конференции.

Перебравшись в США, я стал пробовать для разработки педагогической теории новые идеи постмодернизма и постструктурализма. Но мои поездки в Латинскую Америку пробудили во мне интерес к марксистской критике политэкономии. Мне стало ясно, что теория постмодернизма способна играть довольно реакционную роль, если только она не соединяется с активным стремлением подвергнуть беспощадной критике социальные отношения, порождаемые капиталистическим способом производства и воспроизводства. Для тех взглядов, которые у меня были в начале 1990-х гг., вполне подходит термин «критический постмодернизм». Но их дальнейшая эволюция шла в сторону марксизма. Изучение произведений классиков марксизма и встречи с общественными деятелями, сторонниками этих взглядов из Северной и Южной Америки убеждали меня в том, что именно данный подход позволяет нам понять подлинную сущность социальных процессов, происходящих в современном мире. И не только понять, но и попытаться управлять ими. В этом отличие такого подхода от воззрений представителей прогрессивного либерализма, берущих капиталистический способ производства и характерные из него товарные отношения как некоторую абсолютную данность, с которой необходимо просто считаться.

В последние годы я наконец понял, почему идеи видных педагогов США не смогли оказать ощутимого влияния на современную кризисную ситуацию в системе

американского образования, вызванную отсутствием равного доступа и социальной справедливости. Это вовсе не означает, что идеи сами по себе в корне ошибочны. Нет. Многие из них я вполне разделяю. Но теперь, опираясь на опыт прогрессивной педагогики в Латинской Америке, Европе, Азии и в Северной Америке, традиционные проблемы образования предстали передо мной в ином свете. И тогда стало ясно, что их решение должно лежать в совершенно иной плоскости.

Я считаю себя представителем критической педагогики. Но мне больше нравится термин, предложенный английской коллегой Паулой Эллман, которая добавляет сюда еще слово «революционная». Этим подчеркивается ее наступательный и бескомпромиссный характер, отличающий ее от традиционной академической педагогики критического толка. В качестве основных здесь используются понятия «империализм» (экономический и военный) и «неолиберализм». Труды Карла Маркса, Паулу Фрейре и Антонио Грамши дают нам тот прочный теоретический фундамент, на котором надежно покоится здание современной критической педагогики. На этой базе и с учетом опыта реальной педагогической практики мы будем в состоянии создать систему обучения и воспитания, отвечающую общей задаче позитивного преобразования общества.

Мой подход к решению данной задачи состоит в разработке такого варианта критической педагогики, который опирается на марксистское понимание природы социальных процессов. Общественная жизнь берется, прежде всего, в аспекте классовой борьбы. В этом состоит принципиальное отличие данного подхода от концепции критической педагогики, основанной на идеях постмодернизма. Там главными аналитическими категориями выступают понятия «дискурс» и «власть», но сам анализ образовательных процессов идет в отрыве от более широкого контекста общественного развития в условиях капитализма.

Представители критической педагогики в самых разных странах испытывают глубокую озабоченность тем направлением развития современной цивилизации, при котором ведущим фактором выступают интересы мирового капитализма. Пагубные последствия подобного курса налицо: бедность и нищета, экологические проблемы, прогрессирующая концентрация богатства в руках меньшинства, экономическая нестабильность и массовая безработица, ухудшение качества жизни для большинства жителей нашей планеты, обострение социальных проблем. Глобализация в ее нынешнем виде означает дальнейшее обогащение транснациональных корпораций и обнищание широких народных масс. В руках немногих людей — акул капитализма сосредоточивается контроль над мировым производством и распределением товаров. Распространение современных технологий только усиливает подобные тенденции.

Основной функцией государства становится создание условий, благоприятствующих частным инвестициям в экономику.

Естественными последствиями указанных процессов являются приватизация сферы общественных услуг и сокращение ассигнований, направленных на поддержание приемлемого уровня благосостояния людей. Главным критерием эффективности экономики становится ее рентабельность, измеряемая в терминах окупаемости капитальных вложений. Государственная политика теряет контроль над финансовыми рынками, превращаясь в их послушный инструмент. Капитал становится по большей части транснациональным и, тем самым, всемогущим. Даже граждане промышленно развитых стран Запада утрачивают свои былые социальные гарантии: право на доступное жилье, образование, медицинское обслуживание. Функция регулирования в глобальном масштабе переходит к Международному валютному фонду и Всемирной торговой организации, которые находятся вне сферы демократического волеизъявления и принятия решений. Именно эти бюрократические структуры сейчас устанавливают правила игры и выступают в качестве верховного арбитра при возникновении любого конфликта интересов. Таким образом, сами государства и правительства в значительной мере утрачивают способность защищать интересы своих граждан. Уменьшается возможность снизу, демократическим путем эффективно влиять на формирование политики.

К сожалению, в США критическая педагогика в значительной мере утратила тот политический заряд, которым ее наделили П. Фрейре и его самые радикальные последователи. Из нее были устранены такие ключевые понятия как классовая структура общества и капиталистическая эксплуатация, а тем самым закрыт путь к выявлению подлинных причин тех социальных проблем, которые нас окружают. Вместо борьбы за социальное и экономическое равенство, нам предлагают помогать бедным, создавать равные возможности для выходцев из менее обеспеченных слоев населения. А это, по сути дела, означает подмену одних политических целей другими, капитуляцию перед идеологией господствующего класса.

Многие (хотя далеко не все) представители критической педагогики и смежных дисциплин в США сейчас очень далеки от понимания природы классовой борьбы и базовых противоречий капитализма. Соответственно, все их предложения по улучшению положения в области образования, по сути дела, не выходят за рамки косметических операций, оставляющих без изменения ту систему, которая порождает все наши беды. На самом же деле здесь требуется совершенно иное видение социальной реальности, основанное на вере в возможность коренного преобразования существующего мироустройства. Эта задача стала особенно актуальной в наше время, когда активно идут

процессы глобализации экономики, усиливается борьба за сферы влияния, и Соединенные Штаты стремятся к безраздельному экономическому господству, действуя при этом во многом через такие наднациональные организации, какими являются Всемирный банк и Международный валютный фонд. Повсюду в мире мы наблюдаем усиление эксплуатации рабочего класса, заметное ухудшение его положения по сравнению с положением правящих элит. Хотя сегодня правящий класс формально признает право трудящихся бороться за улучшение своего положения, реально же здесь почти ничего не изменилось по сравнению с эпохой классического капитализма. Пользуясь классовыми привилегиями, буржуазия по-прежнему сохраняет в своих руках экономические рычаги господства, продолжая присваивать себе прибавочный продукт, создаваемый трудом всего народа. Одновременно Соединенные Штаты претендуют и на роль мирового жандарма, используя свою военную мощь для устранения неугодных режимов под предлогом борьбы с международным терроризмом.

Борьба левых сил против господства мирового капитализма является частью всемирно-исторического противостояния варварства и цивилизации. Сейчас, правда, она протекает в таких условиях, когда одна супердержава пытается силой оружия навязать миру свои неолиберальные ценности.

Мне хочется привести цитату из книги Тони Уилдена «Воображаемый канадец», которая вышла в свет в 1980 г. Хотя с той поры прошло уже четверть века, эти слова и сегодня не потеряли своей актуальности и убедительности.

Капитализм посеял бурю, а народы мира пожинают ее. Сегодня капитализм совершенно распоясался, беззастенчиво демонстрируя нам неумность своих appetitов. Эксплуатация тех, кто оказывается слабее, не только продолжается, но и усиливается. Рабство, феодализм, фашизм — все эти виды отношений мы находим в семье, промышленности, сельском хозяйстве, учреждениях, школах. Кроме того, повсюду дает о себе знать безрассудное стремление капитализма эксплуатировать природу. Сейчас абсолютно ясно, что те узко прагматические ценности, которые исповедует капитализм, находятся в резком противоречии с глобальными целями выживания человечества. В погоне за сверхприбылью капиталистическая система хозяйствования стимулирует потребление путем создания новых и новых товаров, реальная ценность которых для человека весьма сомнительна. Эти иллюзорные ценности, тем не менее, отодвигают на задний план подлинную цель нашего существования, которая заключается в обеспечении достойной жизни последующим поколениям людей. Именно на эти цели было направлено функционирование традиционных сообществ. К сожалению, капитализм оказался вполне

реальной угрозой для их собственного существования, а сейчас подобная угроза висит уже над всем человечеством (с. 223).

В эпоху невиданной ранее глобализации капитала, когда усиливается процесс приватизации сферы производства товаров и услуг, аппетиты правящих элит, корпораций, финансовых институтов и частных предпринимателей продолжают расти. Современное государство направляет свои усилия в первую очередь на создание благоприятного климата для инвестиций частного капитала. Расходы на социальные нужды сокращаются. Крупные корпорации начинают играть ведущую роль в экономике страны и выходят из-под контроля государства. Более того, рядовым налогоплательщикам приходится расплачиваться за просчеты крупного бизнеса. Экономическая деятельность, лишённая демократического контроля со стороны общества, порождает серьёзные экологические проблемы и риски. Погоня за прибылью превращается в основную цель хозяйствования. А поскольку значительная часть капиталовложений поступает из-за рубежа, у правительства остается все меньше возможностей регулировать развитие экономики. Более того, вся деятельность национальных правительств попадает под влияние международных финансовых рынков. Капиталовложения оказываются большей частью вне всякого политического контроля.

Неудивительно, что в подобной ситуации существенно сокращается сфера общественной собственности, размываются традиционные социальные связи. Сами люди, включенные в процесс современного производства, превращаются в орудия накопления капитала, в те зубы, с помощью которых корпоративные акулы поглощают прибавочную стоимость. Труд теряет свой осмысленный и творческий характер, а человек становится бездушным винтиком в большой машине. Соответственно строится и обучение современного человека, которому отведена такая роль в процессе производства. Индивидуальность человека подавляется, а в нем культивируются только те свойства, которые оказываются полезными с точки зрения именно таким образом организованной деятельности. Работник отчуждается от своего труда, от значимых социальных связей с другими людьми, превращается в товар особого рода.

Я лично считаю, что капитализм в принципе невозможно подправить или сделать более человечным, ибо в основе его лежит эксплуатация человека человеком. Подобно гомеровскому Одиссею, мы привязаны к мачте корабля, а сирены вокруг наперебой заывают нас в призрачный потребительский рай. В этой ситуации представители революционной критической педагогики должны задать своим коллегам из прогрессивного либерального лагеря вопросы следующего рода. Могут ли реформаторы либерального толка типа Джеффри Сакса, Джорджа Сороса или Джозефа Стиглица

преобразовать капиталистическую финансовую систему таким образом, чтобы она повернулась лицом к бедным и бесправным? Могут ли они заставить ее служить не сиюминутным интересам капитала, а подлинным долгосрочным интересам всего общества в целом, его стабильности и процветания? Могут ли они предотвратить те страдания, которые выпадают на долю простых людей труда в результате устранения протекционистских торговых барьеров? Могут ли они помешать возникновению монополий в условиях широкой приватизации? Могут ли они воспрепятствовать массовому оттоку капитала, если это тяжелым бременем ложится на плечи трудящихся, но зато крайне выгодно национальным элитам и транснациональным инвесторам? Могут ли они приказать российским олигархам, чтобы те не скупали акции приватизированных компаний и не прибирали к рукам природные богатства страны? Могут ли они сделать так, чтобы транснациональные корпорации не действовали в интересах Соединенных Штатов? Могут ли они поставить преграду росту американского милитаризма и национализма, одним из примеров которого явилась война в Ираке? Могут ли они способствовать выработке эффективной политики по борьбе с эпидемией СПИДа или птичьего гриппа в масштабе всей планеты? Могут ли они предотвратить тот удар, который наносит по беднейшим слоям населения политика либерализации цен при сохранении высокой процентной ставки кредитов? Могут ли они активно противодействовать возникновению кризисов, связанных с чрезмерно высокой концентрацией капитала и неравномерностью экономического развития? Могут ли они сделать взаимоотношения между трудом и капиталом в подлинном смысле партнерскими и равноправными? Могут ли изменить природу имущественных отношений при капитализме? Все эти вопросы касаются глубокой сущности капиталистической системы. И не на каждый из них мы отвечаем решительным «нет». Либеральные реформаторы капитализма не хотят и не могут понять, что деньги — это лишь отчужденная форма абстрактного человеческого труда, что в них косвенно выражаются реальные отношения людей при капитализме (Смит, 2002).

Предложения либеральных реформаторов, направленные на то, чтобы сделать мировую систему капитализма более гуманной следует, конечно, всячески приветствовать. Здесь и списание части долга экономически слабым странам, и меры по выравниванию торгового баланса, и принятие антимонопольных законов, и усилия по созданию новых рабочих мест, и меры по либерализации торговли, и предоставление займов с целью нейтрализации негативных последствий колебания спроса на отдельные товары на мировом рынке, и попытки установить определенного рода контроль над деятельностью Международного валютного фонда. Сюда же следует отнести контроль со

стороны государства за деятельностью естественных монополий, совершенствование системы социальной защиты, государственные программы стимулирования экономики, ограничение на проведение некоторых типов сделок с недвижимостью. Но эти меры не являются панацеей от всех бед, поскольку они не затрагивают основ капиталистической системы — частной собственности на средства производства и характера производственных отношений (Смит, 2002).

Создавая условия для социальных изменений, передовые педагоги признают ограниченность традиционных мер, направленных на то, чтобы улучшить существующую систему образования, и призывают сосредоточить основные усилия на решении главных проблем и наиболее острых противоречий, определяющих ее функционирование (например, противоречие между американской мечтой и расизмом). Сторонники революционной критической педагогики задают следующий фундаментальный вопрос: кто вытаскивает те линзы, через которые нам предлагают смотреть на мир? Апологеты капитала пытаются всучить нам упрощенную и однобокую картину мира, извращают базовые принципы демократии, подменяя подлинную демократию ее пустой видимостью.

Важная функция революционной критической педагогики заключается в том, что она порождает новые способы рассмотрения государства и его отношений с людьми, живущими сейчас, и с теми, которые придут им на смену в ближайшие годы. Каждый человек испытывает на себе влияние той специфической структуры социальных отношений, в которую он включен. Но сами эти структуры создаются людьми. Вся история человечества является продуктом деятельности людей, продуктом их взаимодействия с объективными условиями существования. Внутри диалектики этих отношений рождается наше будущее. Сегодня наша демократия переживает глубокий кризис, ставящий само ее будущее под сомнение. В этих условиях требуется значительное мужество, чтобы не впасть в отчаяние и сохранить ее великие исторические достижения. Нам предстоит подвергнуть суровой и беспощадной критике весь нынешний курс исторического развития человечества.

Задача современной педагогики состоит в том, чтобы оздоровить школьный климат, создать такое образовательное пространство, которое способно позитивно воспринимать прогрессивные инициативы, направленные на то, чтобы широко внедрять в жизнь принципы социальной справедливости. Но решение подобной задачи наталкивается на огромные трудности практического порядка. Революционная критическая педагогика призвана преодолеть эти трудности за счет глубокого анализа существующего положения вещей. Критическая педагогика последних десятилетий немало сделала для того, чтобы открыть учителям и учащимся глаза на природу тех проблем, с которыми сталкивается

современная школа. Она ясно показала, что система образования испытывает на себе непосредственное влияние той системы социальных отношений, которая базируется на эксплуатации человека человеком, принимающей в последнее время поистине глобальный характер. Подхватывая и развивая далее подобные прогрессивные взгляды, революционная педагогика показывает, что существует мощный потенциал борьбы против любых форм неравенства и угнетения, против империализма, который сегодня становится глобальным и транснациональным по своей природе. Перед учителями, учащимися и всеми работниками культуры она ставит следующие вопросы. Как освободить человеческую природу от пагубного влияния капиталистического рынка труда? Как создать условия для свободного развития каждого индивида в ситуации, когда капиталистическое общество рассматривает человека лишь как товар и средство создания прибавочной стоимости, в которой живой труд конкретного работника полностью и бесследно растворяется? Как в этой ситуации воспитать трезво и критически мыслящего человека, понимающего, как устроен современный мир и осознающего свое место в нем? Как сделать так, чтобы адекватное политическое сознание граждан стало залогом дальнейшего позитивного развития общества? Как освободить сознание человека от пут чисто потребительских установок и оценок? Как превратить активность людей в революционную силу, способную преобразовать общество в систему, где царствует свобода и равенство, где осуществляется справедливое распределение материальных и духовных ценностей? Как можно в конкретных исторических условиях современного капиталистического общества обеспечить формирование свободной человеческой личности, которая сама превратится в реальную силу, способную подорвать устои капитализма и создать предпосылку для перехода к общественному строю, обеспечивающему всестороннее развитие человеческого потенциала? Как мы можем активно противопоставить себя существующему обществу в лице господствующих в нем производственных отношений, средств массовой информации, культурных традиций и социальных институтов?

Сила революционной критической педагогики заключается прежде всего в том, что она решительным образом встает на защиту жертв любых форм социального угнетения и неравенства. Она стремится превратить наши школы в центры интеллектуальной свободы, где открыто и смело поднимаются и обсуждаются любые животрепещущие вопросы — будь то вопросы международных отношений или образовательной политики. Педагогика такого типа не только призывает всех угнетенных встать на защиту своих прав, но и дает им возможность эффективно отражать контратаки системы за счет понимания стратегии и тактики противника, а также за счет собственной политической

организации. Она зовет к борьбе с преступным режимом, который проводит курс, противоречащий интересам не только собственного народа, но и всех народов, населяющих нашу планету. Она является педагогикой оптимизма, поскольку вселяет в сердца всех угнетенных надежду на то, что, сплотившись и осознав свои подлинные интересы, они смогут в корне изменить свою судьбу и судьбу мира.

Критикуя глобализацию в интересах капитала и право частных собственников присваивать доходы корпораций, мы закладываем основы борьбы с подобным положением вещей. Сегодня сторонники революционной критической педагогики активно борются против попыток реакционных сил, направляемых из Вашингтона, лишить трудящихся тех социальных прав, которые были отвоеваны ими за последние полвека. Мы выступаем против империализма, войны, капиталистической глобализации, политики, которая под прикрытием интересов сохранения законности и порядка стремится уничтожить остатки демократических свобод и узаконить насилие в отношении самых уязвимых слоев населения. Мы выступаем против следования той модели развития общества, которая угрожает будущему человечества, и требуем, чтобы стратегические решения в этой сфере принимались на демократической основе. Отстаивая подобный курс, мы отвергаем те рецепты, которые предлагает социальный либерализм, осуществляющий контроль над государственными институтами, стоящими на защите богатого меньшинства, и выступаем за осуществление социалистических преобразований общества в интересах подавляющего большинства населения страны. Одновременно мы провозглашаем политику интернационализма и солидарности со всеми прогрессивными движениями на американском континенте: движением пикетерос в Аргентине, движением кокалерос в Боливии, движением безземельных крестьян в Бразилии, борьбой эквадорских индейцев, мексиканских запатистов, венесуэльских революционеров из кружков имени Боливара. Если все эти движения сольются в один могучий поток, то появится реальная перспектива построения нового мира — мира, лишённого капиталистической эксплуатации и социального угнетения, где восторжествует свободный творческий труд, где истинной ценностью станет человек и его всестороннее развитие, где самым тщательным образом будет сохраняться экологический баланс и биологическое многообразие. Но все эти блага не могут свалиться на нас с небес. Мы сами должны приближать светлое будущее своей повседневной работой, своей беззаветной борьбой за торжество идеалов мира и справедливости.

Революционная критическая педагогика, основанная на философском осмыслении практики, способна помочь учителям и учащимся выявить специфику конкретного в сложном комплексе всеобщего — например, законы движения капитала, которые,

ускользая от поверхностного взгляда обыденного сознания, оказываются доступными только пристальному научному анализу. Согласно этому взгляду, история — это процесс построения общества самими людьми, хотя большей частью он протекает в условиях, когда приходится многие внешние обстоятельства принимать как данность. Нужно уметь рассматривать этот процесс как диалектическую борьбу нового и старого, сил прогресса и сил реакции.

История управляется не абстрактными законами, а творится действиями живых людей. Этому простому факту приходится учить не только учащихся, но и самих учителей. Новое общество рождается из отрицания старого, и наиболее ярким выражением этого является классовая борьба. Вместе с тем, отдельные взгляды и привычки оказываются очень живучими, сохраняясь как пережитки прошлого даже при радикальной смене социально-экономических формаций. Жизнь, история и мышление развиваются диалектически, хотя иногда кажется, что жизнь вырывается вперед, оставляя нас барахтаться где-то далеко позади. Такое ощущение возникает у многих наших современников, наблюдающих за бурными преобразованиями, которые отличают нынешний этап развития человечества.

Внутри современной критической педагогики существуют разные направления, в том числе и достаточно умеренное крыло. Его представители явно недовольны существующим положением вещей в области образования и искренне хотели бы видеть здесь какие-то позитивные сдвиги. Однако их мышление не способно выйти за рамки привычных категорий типа «общественная сфера», «гражданское общество», «показатели успеваемости», «принятые нормы поведения». Ученики для них выступают не как живые люди, обладающие сознанием и чувствами, а лишь как некие усредненные количественные показатели или статистические тенденции. Нам необходимо избавиться от подобного узкопрофессионального подхода и в первую очередь задуматься о том, какой тип общества мы хотели бы предложить нашим воспитанникам. Пусть же это будет общество, где каждый его член в содружестве с другими свободными людьми сознательно трудится во имя всеобщего блага, во имя максимально полного раскрытия творческого потенциала каждого индивида.

Мы хотим построить общество, где бытие будет цениться выше, чем обладание, где жесткий контроль над людьми отойдет на задний план, а на передний выйдет свободное творчество, где отношения товарищества и взаимопомощи заменят отношения доминирования и подчинения. Общество данного типа будет реальной альтернативой капитализму. Построение такого общества предполагает коренное изменение наших взглядов на отношения между теорией и практикой. Не только теория, рождаемая в

кабинетах ученых, находит свое последующее воплощение в практической деятельности людей. Сама по себе общественная практика в форме массовых политических движений становится особой разновидностью теории. Как пишет Питер Гудис (Hudis, 2003a): «Если движению от теории к практике свойственно эксплицитное стремление опираться на диалектику абсолютной отрицательности, то в любом спонтанном движении это происходит имплицитно». Именно на таком понимании практики мы пытаемся строить критическую педагогику как инструмент социальных изменений.

Фундаментальные социальные преобразования становятся возможными тогда, когда старый общественный порядок демонстрирует явления общего кризиса. Но необходимо также учитывать, что кризис капитализма способен порождать такие негативные явления, как анархия, авторитаризм или фашизм. Если мы намерены воспрепятствовать развитию событий по такому разрушительному сценарию, мы должны стремиться к тому, чтобы предлагаемая нами позитивная альтернатива существующему капиталистическому строю овладела умами широких народных масс.

Критическая теория в ее подлинно творческом варианте открывает перспективу фундаментального пересмотра бытующих взглядов на проблемы образования и социальных реформ. А это, в свою очередь, должно привести к существенному возрастанию политической активности широких народных масс во всех уголках мира, поскольку идеи социального равенства и прав человека выступят в качестве действенного ее катализатора, вселяя в сердца людей надежду на лучшее будущее.

Наша задача состоит в том, чтобы не позволить превратить критическую педагогику в прислужницу господствующей идеологии, не отдать ее на съедение сторонникам либеральных реформ или тем представителям левых сил, которые выступают за сохранение капиталистического строя, или, что еще хуже, адептам реакционного популизма. А этого реально можно добиться только путем кропотливой работы по внедрению нашей идеологии в среду обездоленных и угнетенных людей.

Когда мы говорим, что критическая педагогика должна вернуться к своим марксистским корням, мы понимаем «возвращение» не как движение вспять к каким-то уже пройденным этапам нашей истории. Наоборот, мы должны двигаться вперед к лучшему пониманию действительности на основе осмысления опыта всего предшествующего развития человеческого рода. Ведь по самой своей природе человек — это существо, способное к непрерывному саморазвитию.

Мне очень приятно, что мои труды теперь станут доступными российским педагогам и студентам, послужат основой не только будущего диалога, но, возможно, и дальнейших дискуссий. Теперь мы все оказались в очень сходном положении: капиталистический

рынок сейчас выступает для нас общей школой жизни. Хотелось бы надеяться, что такое положение вещей не продлится слишком долго. Давайте же сообща искать пути создания такой образовательной системы, которая сможет освободиться от его гнетущих оков.